

Аликин Виктор Анатольевич

СВОБОДА И ИГРА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

В статье рассматривается вопрос о связи свободы и игры в философском экзистенциализме. Свобода у экзистенциалистов является центральной категорией бытия человека, хотя игре ими уделяется мало внимания. При этом многие известные исследователи, специально изучающие игру с самых разных позиций, неизменно и почти единогласно определяют её как свободную деятельность. Выясняется, что в экзистенциализме существуют два разных подхода к отношению между свободой и игрой, и критерием различия между ними является признание или непризнание возможности человека хотя бы интуитивно приобщиться к трансцендентному.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. I. С. 18-22. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**ELECTIONS OF DEPUTIES FOR THE FIRST STATE DUMA
IN TEREK REGION OF THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY
(BY THE MATERIALS OF NAL'CHIK DISTRICT)**

Atmir Arsenovich Alakaev
Department of Russian History
Social-Classical Institute
Kabardino-Balkaria State University
atmir.alakaev@mail.ru

The author studies the mechanism and specificity of holding the regional elections of deputies for the First State Duma in Terek region of the beginning of the XXth century, describes the course of election campaign in Nal'chik district of Terek region during the elections for the First State Duma, reveals the features of electoral system for Caucasus, and considers the elections for the First State Duma from national outlying districts as the most important way to integrate Terek region peoples in the political-legal space of Russia in the beginning of the XXth century.

Key words and phrases: elections; State Duma; election campaign; voting; Terek region; Nal'chik district; North-Caucasian deputies.

УДК 123.1

Философские науки

В статье рассматривается вопрос о связи свободы и игры в философском экзистенциализме. Свобода у экзистенциалистов является центральной категорией бытия человека, хотя игре ими уделяется мало внимания. При этом многие известные исследователи, специально изучающие игру с самых разных позиций, неизменно и почти единогласно определяют её как свободную деятельность. Выясняется, что в экзистенциализме существуют два разных подхода к отношению между свободой и игрой, и критерием различия между ними является признание или непризнание возможности человека хотя бы интуитивно приобщиться к трансцендентному.

Ключевые слова и фразы: игра; свобода; экзистенциализм; человек; трансценденция; Бытие; судьба, серьёзное; смысл; творчество.

Виктор Анатольевич Аликин, к. филос. н., доцент
Кафедра менеджмента
Новочеркасская государственная мелиоративная академия
ludosopher@yandex.ru

СВОБОДА И ИГРА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ©

Тема свободы является центральной в экзистенциализме. Жан Поль Сартр в своей работе «Экзистенциализм – это гуманизм» написал: «Достоевский как-то писал, что “если бога нет, то все дозволено”. Это - исходный пункт экзистенциализма. В самом деле, все дозволено, если бога не существует, а потому человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне. Прежде всего у него нет оправданий. Действительно, если существование предшествует сущности, то ссылкой на раз навсегда данную человеческую природу ничего нельзя объяснить. Иначе говоря, нет детерминизма, человек свободен, человек - это свобода» [6]. При этом странно, что ни один из ведущих представителей экзистенциализма не разрабатывает вопрос об игре. Ведь сущность игры всеми известными её исследователями раскрывается как раз через категорию свободы. Например, Й. Хейзинга утверждает: «Всякая игра есть прежде всего и в первую очередь свободное действие. Игра по принуждению не может оставаться игрой... Уже один этот характер свободы выводит игру за пределы чисто природного процесса» [10, с. 26].

Очевидно, что в экзистенциализме эти два понятия - свобода и игра – не всегда имеют прямую связь, а возможно, даже противоположны друг другу. В статье мы ставим перед собой задачу разобраться в этом вопросе и сформулировать в итоге идею игры как она есть в философском экзистенциализме.

В ходе разработки темы рассматривались труды таких классиков экзистенциализма, как М. Бубер, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр и А. Камю, которые уделили существенное внимание теме игры и выразили, на наш взгляд, все возможные подходы к изучаемому вопросу, которые есть в экзистенциализме. Вместе с тем надо отметить, наше исследование показало, что тема игры затрагивается также и в работах других представителей направления, таких, как Л. Шестов, М. Мерло-Понти, Х. Ортега-и-Гассет и Н. Аббаньяно.

Центральная идея философии Мартина Бубера — фундаментальная ситуация сосуществования Я с другой личностью, существования как «со-бытия» с другими людьми. Бубер противопоставляет отношение «Я-Ты» и «Я-Оно». Первое можно считать непредсказуемыми, спонтанными контактами индивидуальностей, второе — мир объективных каузальных связей, в котором всё подчинено закону и потому предрешиено.

Бубер — религиозный библейский философ, поэтому его понятие о свободе основано на божественном предустановлении человеческого бытия. «...Бог освободил существо, сотворенное Им, и не посягает на его свободу, но тем самым Он и делает его полностью ответственным перед Собой» [1]. «...все предопределено, но человеку дана свобода выбора» [Там же]. Но как же возможна свобода, если существует божественное предопределение? Для ответа на вопрос философ даёт разграничение рока и судьбы. Рок — это детальная предопределённость каждого действия объективными причинами (мир «Оно»), а судьба — это неопределённое таинственное влияние на человека, которое в силу этого не лишает и даже не освобождает его от принятия решений: «В том, что я нашел взыскующее меня деяние, в этом движении моей свободы даруется мне откровение тайны; но и то, что я не могу свершить деяние так, как искал совершить его, в этом сопротивлении тоже даруется откровение тайны. Кто забывает всякую причинность и черпает решение из глубины... пред Лицом, ему... смотрит навстречу судьба» [3].

Игра у Бубера противостоит свободе и судьбе в их единстве. Она является произволом индивидуально-го сознания и выражается в искусственных правилах, отражающих внутреннюю его логику. Свобода же, а с ней и судьба индивида проявляются только в спонтанном диалоге с независимым внешним миром («Я и Ты»), диалоге, не поддающемся заранее предустановленным правилам: «Жизнь протекает не в загадочной настольной игре с самим собой; она состоит в том, что я поставлен перед присутствием бытия, с которым я не согласовывал и с которым не могут быть согласованы какие бы то ни было правила игры» [2, с. 200]. Так и научные представления об объективных законах мира, по автору, относятся к игре, ведь они настроены предсказать окружающую действительность и тем самым отбирают у человека свободу и судьбу: «Догма о неотвратимости происходящего оставляет тебе в своей игре лишь такой выбор: соблюдать правила либо выйти из игры...» [3].

Мартин Хайдеггер создал учение о Бытии как единственной истинной, но при этом абсолютно неопределённой действительности. Хайдеггер считает, что вопрос о бытии, который, по его утверждению, является основным философским вопросом, оказался забыт во всей истории западной философии, начиная ещё с Платона. Бытие трактовалось неправильно, так как не имело чисто «человеческого» измерения. «Только выяснение сущности человеческого бытия раскрывает сущность бытия» [11, с. 106]. Сущность человеческого бытия в её целостности Хайдеггер обозначает как «заботу» или *Dasein*. Можно сказать, что *Dasein* — это интуитивное чувство Бытия, которое всегда остаётся неопределённым, но, тем не менее, заставляющее что-то делать, проявлять заботу о том, чтобы жизнь не прошла зря.

Специально об игре Хайдеггер ничего не пишет, но можно отследить его понимание этого феномена из того, что он называет игрой. Обобщая соответствующий материал, выделим две основные мысли автора.

С одной стороны, Хайдеггер, в основном интерпретируя идеи Ницше о «вечном возвращении», определяет как игру весь мир сущего: «По отношению к своей сущности, которая вместе с самим бытием пребывает в ускользании, человек испытывает неуверенность, будучи не в силах понять ее причину и природу... сущее как таковое может бытийствовать только таким образом, что оно все подвергает риску и само является “мировой игрой”» [8, с. 167-168]. В ситуации, когда человек понимает свою неспособность понять исходную истину он вынужден либо бежать от самого вопроса в обыденность, либо заставить себя верить в то, что некое частное мировоззрение является абсолютной истиной, либо «...усомниться и отчаяться в любой возможности истины и относиться ко всему лишь как к игре представлений...» [7, с. 157].

Другая мысль, которая, можно сказать, противоречит первой, заключается в том, что сущность человека, или *Dasein*, состоит в неопределённом понимании истинного Бытия, которое позволяет интуитивно различать вещи более или менее соответствующие ему. Таким образом, Хайдеггер отличает истинную жизнь человека, интуитивно стремящуюся к неопределённому идеалу Бытия, и игру как стихийное существование без такого стремления. Так философ отличает игру от истинного искусства: «Присущее творчеству принципиальное отсутствие всякой потребности к упреждающему целеполаганию может предстать в виде голый, лишённой цели игры, в виде искусства для искусства, *l'art pour l'art*, что так же далеко от подлинного творчества (в смысле сонаделения), как уже упомянутая видимость творчества» [Там же, с. 171]. Вводится Хайдеггером различие и между игрой и истинной философией: «...одна только игра философскими мыслями, с самого начала путем различных оговорок стремящаяся соблюсти “нейтралитет” и начатая ради интеллектуального развлечения или отдыха, заслуживает презрения, ибо не знает о том, что поставлено на карту мыслителем в его мысли» [Там же, с. 211].

Свобода у Хайдеггера определяется категорией «открытости» Бытия: «...прикровенная сущность открытого как изначально себя-открывающего есть свобода» [9, с. 309]; «Как свободное (*das Freie*) открытое (*das Offene*) есть скрывающее и сокрытие бытия...» [Там же, с. 310]; «...открытое есть то светлое, которое дает о себе знать в самопрояснении света. Мы называем его “свободным” (*das Freie*), а его сущность — свободой» [Там же, с. 320]. Свобода — это открытость, или открытость имеет в основании абсолютную свободу и неопределённость. Ещё можно сказать, что открытость — это истина, но не как бесконечно конкретный порядок, а как неопределённое чувство истины, неопределённое и потому дающее нам свободу в формулировании истины и выстраивании жизни. Но Хайдеггер всегда подчёркивает, что «голая раскованность

и произвол — всего лишь ночная сторона свободы, тогда как ее дневная сторона — апелляция к Непобедимому, как обязывающему и обосновывающему» [8, с. 62]. Пусть даже это необходимое имеет неопределённый характер. Таким образом, сопоставляя свободу и игру в философии Хайдеггера, можно сказать, что сущностью *Dasein*, или человека, является стремление к истинному Бытию. Но в силу того, что последнее имеет абсолютно неопределённый характер, человек является свободным, в его понимании, и в построении своей жизни. Но в жизни человека есть место и для такого существования, при котором отсутствует ориентация на Бытие, т.е. человек совершает те или иные действия, не ориентируясь на какое-либо понимание идеала и истины, не имеет их в виду. В этом случае он играет. Такая конструкция неизбежно порождает вопрос: что тогда происходит со свободой в игре, становится ли её больше или меньше? В явной форме ответа у Хайдеггера мы не находим.

Карл Ясперс основную задачу философии усматривал в раскрытии «шифров бытия» - различных выражений трансценденции, которые раскрываются человеком в так называемых пограничных ситуациях (страдание, борьба, смерть). Бытие в концепции философа имеет тройное членение: 1) предметное бытие, или «бытие-в-мире»; 2) экзистенция, т.е. необъективируемая человеческая самость; 3) трансценденция как «объемлющее» — непостижимый предел всякого бытия и мышления. «Коммуникация» — одно из центральных понятий миропонимания Ясперса — является местом проявления трансцендентного через акт общения уникальных экзистенций.

В философии Ясперса достаточно чётко вырисовывается общее экзистенциалистское представление о свободе как о причастности к неопределённой трансценденции: «...свобода человеческого бытия становится ядром всех его возможностей при руководстве им трансценденцией... Это руководство коренным образом отличается от любого другого руководства в мире, так как оно не становится объективно однозначным... Там, где человек принимает решение, исходя из своей внутренней глубины, он полагает, что послушен Богу, хотя и не обладает объективной гарантией в знании того, что угодно Богу... Риск — действительно ли это я сам, в самом ли деле я услышал сказанное из истоков — никогда не исчезает» [14].

Понятие игры используется Ясперсом для раскрытия темы философского и научного познания, религиозной мифологии, искусства, а также социального устройства. Особенно ярко у него прослеживается двузначность игры, хотя это есть и у других экзистенциалистов. С одной стороны, игра есть творческая сила, открывающая истинно новое знание, с другой – некая деятельность, не причастная трансценденции и потому бессмысленная и даже вредная. Так, например, философ отмечает, что «если это освобождение (*трансценденции – моё поясн.*) существует, то... разве что в эстетической игре или в спекулятивной мысли, в религиозном культе или в высокие мгновения единодушия между двумя людьми,— и каждый раз оно становится сомнительным при последующем размышлении, которое знает только явление» [Там же]. Следующие высказывания отмечают игровой характер истинного познания: «...высказывание посредством гипотетических невозможностей непонятого в игре мыслей на границе познания может быть преисполнено смысла» [Там же]; «Мы освещаем эту сферу (*исторических возможностей – моё поясн.*) своими представлениями, игрой внутренних последовательных картин развития... Однако мы не подчиняемся такого рода картинам... Они — не более чем средства ориентации и остаются вопросами. Принимать их за познание действительно означает подвергать угрозе истину...» [13, с. 199].

С другой стороны, мы имеем высказывания Ясперса, принижающие значение игры и даже придающие ей негативный оттенок: «Как легко соскальзывает философия со своего пути там, где она... фиксируется в догматах... где она превращает предание в авторитет, героизирует глав школ и диалектически оказывается в сфере ни к чему не обязывающей игры»; «...я попытался обозначить главные составные части... современной науки — ...в-третьих, стремление к истине, которой требует Бог; стремление, благодаря которому познание перестает быть игрой, благородным занятием на досуге, и становится... самым серьезным занятием на свете, где на карту поставлено все» [12, с. 65-66]; «...искусство становится игрой и удовольствием (вместо того, чтобы быть шифром трансценденции)...» [13, с. 363].

В философии Сартра традиционная проблематика соотношения сущности и существования, связанная с трансценденцией (Богом или Абсолютом), отвергается, и речь идёт только о человеческом существовании, поэтому его называют атеистическим экзистенциалистом. Важнейший тезис философа состоит в том, что для человека существование предшествует сущности, только уже существующий человек может создать свою сущность собственными самостоятельными действиями. Человеческая жизнь так же, как и окружающий её мир, изначально бесцельна и бессмысленна, поэтому абсолютно свободна для творчества из ничего.

Свобода и игра в философии Сартра не противопоставляются, а являются понятиями совместимыми. Предварительно можно сделать вывод, что это связано с атеистическим характером учения. Нет трансценденции, изначального замысла мира, а значит и нет серьёзного дела, всё – игра: «...я могу только *играть в бытие*, то есть воображать себе, что я им являюсь. И тем самым я влияю на него из ничто» [5]. В данном высказывании игра предстаёт тотальной формой существования человека, его свободы, но в большинстве случаев она рассматривается Сартром только как один из видов реализации свободы наряду с искусством, наукой и др. Здесь присутствует двузначность.

Какое значение имеет игра и другие формы реализации свободы. Дело в том, что свобода человека состоит в отсутствии заранее предписанной миссии, но при этом он не свободен выбирать материальную среду, в которой находится. Эта среда является данным ему материалом для самотворчества. Но, что принципиально, это творчество не является естественно самопроисходящим, так как для этого нужно преодолеть

давление этой материальной среды, описываемое Сартром через понятия «отчуждение» и «тошнота». Игра так же, как и другие формы творчества, как раз и позволяют преодолеть это «отчуждение»: «Серьезное отношение существует тогда, когда исходят из мира и придают больше реальности миру, чем себе самому... Серьезный человек пребывает “в мире” и не имеет никакого убежища в себе... Само собой разумеется, что серьезный человек зарывает в глубине самого себя сознание своей свободы...

...игра... освобождает субъективность. Чем в действительности является игра, кроме как деятельностью, первый источник которой — человек и принципы которой он сам устанавливает, получая следствия только в соответствии с этими принципами? Как только человек постигает себя в качестве свободного и хочет использовать свою свободу... его деятельность становится игрой; он в ней, по сути, первый принцип, он избегает естественной природы; он устанавливает сам ценность и правила своих действий, подчиняясь только установленным и определенным им самим правилам. Отсюда, в некотором смысле, “мало реальности” мира... Его цель (*играющего человека – мой поясн.*)... состоит в том, чтобы достигнуть самого себя как определенного бытия, а именно бытия, которое находится под вопросом в его бытии... функция действия (*игры – мой поясн.*) в том, чтобы обнаружить и предоставить самому себе абсолютную свободу, которая есть само бытие личности... желание игры фундаментально является желанием бытия» [Там же]. Серьезный человек, т.е. признающий власть объективных законов мира над собой, – не свободен, а человек играющий реализует свою свободу, так как в игре вещи материального мира со всеми законами своего устройства становятся лишь средствами, знаками, игрушками для творчества из ничего.

Центральная философская идея Альберта Камю, изложенная в «Мифе о Сизифе», представляет собой поиск «положительной формы» бытия в абсурдном мире, в котором религиозная надежда умерла. Вопрос Камю таков: как жить без высшего смысла и без благодати? Камю исследует два неверных, с его точки зрения, вывода из констатации абсурда. Первый из них — самоубийство, второй — «философское самоубийство». Самоубийство представляет собой затмение ясности, примирение с абсурдом, его ликвидацию. Такое же бегство от абсурда представляет собой «философское самоубийство» — «скачок» через «стены абсурда». В первом случае истреблен тот, кто вопрошает, во втором — на место ясности приходят иллюзии, желаемое принимается за действительное, миру приписываются человеческие черты — разум, любовь, милосердие и т.п. Сам Камю предлагает другой образ бытия, который основан на честном признании абсурдности жизни. Это признание означает, что человек не бежит от бессмысленности в ничто (самоубийство) и не обманывает себя в том, что существует высший смысл (религия), а живёт в абсурде как единственной реальности.

Проблему свободы Камю раскрывает через осознание неизбежной смертности человека. Человек не свободен, потому что смертен. Тот, кто не понимает этого, кто всерьёз верит в истинность тех или иных установлений и целей, углубляет эту несвободу для себя. С другой стороны, как только я понимаю свою несвободу и бессмысленность жизни, то уверенно отдаюсь неизвестной мне судьбе и тем становлюсь свободным. Моя жизнь предопределена судьбой (трансценденцией). Но так как она принципиально неизвестна – я свободен. «Идея “Я есмь”, мой способ действовать так, словно все исполнено смысла... опровергается абсурдностью смерти. Думать о завтрашнем дне, ставить перед собой цель, иметь предпочтения - все это предполагает веру в свободу... Но отныне я знаю, что нет высшей свободы, свободы быть, которая только и могла бы служить основанием истины. Смерть становится единственной реальностью» [4]. «Абсурд развеял мои иллюзии: завтрашнего дня нет. И отныне это стало основанием моей свободы» [Там же]. Бесполезное и бессмысленное творчество является выражением новой свободы, позволяющей не избегать абсурда, а жить в нём и быть счастливым. «Все завершается признанием глубочайшей бесполезности индивидуальной жизни. Но именно это признание придает легкость, с какой они (*творец и завоеватель – мой поясн.*) осуществляют свое творчество, поскольку принятие абсурдности жизни позволяет полностью в нее погрузиться» [Там же].

Игра для Камю - это прежде всего бытие людей, внушающих себе, что их жизнь имеет смысл. «Ничем не заполнить рва между достоверностью моего существования и содержанием, которое я пытаюсь ей придать. Я навсегда отчужден от самого себя. В психологии, как и в логике, имеются многочисленные истины, но нет Истины... Это - бесплодные игры с великими предметами, оправданные ровно настолько, насколько приблизительны наши о них представления» [Там же]. Смерть разоблачает бессмысленность жизни, открывает нам её игровую сущность: «Смерть становится единственной реальностью, это конец всем играм» [Там же]. Человек, не осознающий бессмысленность (абсурдность) жизни, живёт в иллюзии серьёзности (реальности), а абсурдный человек понимает, что жизнь - игра, но именно он и живёт в настоящей реальности: «Абсурдный человек появляется, когда с надеждами покончено, когда ум уже не восхищается игрой, а вступает в нее. Проникнуть во все жизни, пережить их во всем их многообразии - вот что значит играть» [Там же]. «Вечность - это не игра» [Там же], но так как она, эта трансцендентность, не доступна человеку, ему остаётся играть. Человек несвободен, если не понимает, что играет и становится свободным, когда начинает осознавать это. Таким образом, у Камю свобода и игра – это разные понятия, но они не противоположны друг другу. Скорее, свобода - это один из двух видов человеческого бытия-игры: не признающего игры (несвободного) и признающего (свободного).

Обобщая рассмотренный материал, можно выделить две разные позиции относительно связи свободы и игры. Их разделение почти совпадает с принятым делением экзистенциализма на религиозный и атеистический.

Первая позиция, которую можно назвать религиозной или трансцендентной, понятия свободы и игры противопоставляет. Она прослеживается в философии Бубера, Хайдеггера и Ясперса. Свобода здесь является

следствием неопределённости божественного предопределения бытия человека. Мы не можем знать высшей истины, поэтому вправе поступать по-разному в одной и той же ситуации. Однако человек способен интуитивным или мистическим образом общаться с трансценденцией и поэтому обязан искать этого общения, использовать свою свободу для этого. Однако человек всё же наделён и свободой от поиска причастности к абсолютной истине. Он может не делать этого, а жить без устремлений к идеалу. Вот эта часть человеческого бытия и определяется с религиозной позиции как игра. При этом она получает негативную оценку философов как бессмысленная и вредная.

Атеистическая позиция, представленная Сартром и Камю, свободу и игру отождествляет или, по крайней мере, не противопоставляет. Трансцендентность неопределённо настолько, что человек не может к ней приобщиться никак, даже интуитивно или мистически. Бытие человека целиком и полностью является игрой. Если он осознаёт это, то свободен, если не понимает – то не свободен.

В работах Хайдеггера и Ясперса тоже прослеживается эта мысль: то как интерпретация положений Ницше, то как синоним понятия творчества, но она остаётся противоречащей их основной позиции.

Таким образом, принципиальнейшим моментом в вопросе игры и свободы является возможность человека приобщиться к трансценденции. Признание такой возможности создаёт бытие серьёзного. Человек в нём не имеет абсолютной свободы, в конечном итоге он принужден к процессу искания истины. Лишь иногда и в определённых условиях, устав от поисков, заблудившись, он может отвлечься, отдохнуть в бессмысленном существовании или, иными словами, в игре. Непризнание возможности приобщения к трансцендентному, наоборот, создаёт тотальность игры и свободы, которые бесконечно творят (а не открывают) сменяющие друг друга условные истины и условное серьёзное к ним отношение.

Список литературы

1. Бубер М. Два образа веры [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/read/martin_buber/dva_obraza_veri.html#143360 (дата обращения: 16.04.2012).
2. Бубер М. Проблема человека // Бубер М. Два образа веры / пер. с нем. Ю. С. Терентьева; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лёзова. М.: Республика, 1995. 464 с.
3. Бубер М. Я и Ты [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/read/martin_buber/ya_i_ti.html#71680 (дата обращения: 17.04.2012).
4. Камю А. Миф о Сизифе [Электронный ресурс]. URL: http://www.modernlib.ru/books/kamyu_alber/mif_o_sizife/read/ (дата обращения: 19.04.2012).
5. Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии [Электронный ресурс] / пер. с франц. В. И. Колядко. URL: <http://psylib.org.ua/books/sartr03/index.htm> (дата обращения: 18.10.2011).
6. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм [Электронный ресурс]. URL: http://scepis.ru/library/id_545.html/ (дата обращения: 25.07.2012).
7. Хайдеггер М. Ницше / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2006-2007. Т. 1.
8. Хайдеггер М. Ницше / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2006-2007. Т. 2.
9. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009. 382 с.
10. Хейзинга Й. *Homo Ludens*: статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс; Традиция, 1997. 416 с.
11. Шварц Т. От Шопенгауэра к Хейдеггеру / пер. с нем. М.: Прогресс, 1964.
12. Ясперс К. Ницше и христианство / пер. с нем. Т. Ю. Бородай. М.: Медиум; Моск. филос. фонд, 1994. 115 с.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
14. Ясперс К. Философская вера [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000309/st000.shtml> (дата обращения: 10.04.2012).

FREEDOM AND GAME IN EXISTENTIALISM

Viktor Anatol'evich Alikin, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
 Department of Management
 Novochoerkassk State Soil-Reclamation Academy
 ludosopher@yandex.ru

The author considers the question of the connection between freedom and game in philosophical existentialism, shows that freedom is the central category of human existence according to existentialists, though they pay little attention to game, mentions that a lot of well-known researchers, who especially study game from various positions, invariably and almost unanimously define it as a free action, and ascertains that there are two different approaches to the relations between freedom and game in existentialism, and the criterion of difference between them is the recognition or non-recognition of human ability to join transcendent at least intuitively.

Key words and phrases: game; freedom; existentialism; man; transcendence; Existence; fate; serious; meaning; creativity.